

Пятница 4-го Юля 1914 г.

# Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами  
и либретто с-петербургскихъ театровъ

## Новая пьеса Чехова.

Къ 10-лѣтней годовщинѣ смерти Чехова Малозаховскій театръ (близъ Москвы) выказалъ «изъ тѣхъ вѣковъ» совершенно невѣдомую драму Чехова, до сихъ поръ не напечатанную и на сценѣ не исполнявшуюся.

Это — одноактный драматическій этюдъ: «На большой дорогѣ», написанный Чеховымъ почти двадцать лѣтъ назадъ. — въ 1885 году.

Драматическая цензура того, совсѣмъ недавняго, времени не разрѣшила постановки этюда, вследствие крайней «драматичности сюжета».

Несложный сюжетъ пьесы, самъ по себѣ не отличается драматичностью, и цензура попугалась избранными обстановкой — сцена кабацкой жизни.

Брошенный любимой женою, похвѣдающъ Борцовъ сталъ заливать горе виномъ и, разорившись, превратился въ босняка. Буря затопляетъ несчастнаго въ кабакѣ на большой дорогѣ. — въ традиціонно-суровому кабацкому, въ обществу ботаниковъ, бродягъ, странниковъ.

Послѣ многихъ униженій, Борцову удается вымолить у кабацкаго стаканъ водки, за и то въ обменъ на единственную, утѣвляющую у него драматичность — медальонъ съ портретомъ невесты, по все еще горячо любимой, женщины.

Случайно въ кабакѣ находятъ преступника,

знавшій Борцова баринѣмъ, и рассказываетъ подробности его исторію.

Отношеніе къ несчастному барину радикально мѣняется: его угощаютъ водкой; бродятъ. Егоръ Мерикъ, тоже обманутый женою и проклинающей женщиной, вообще, уступаетъ барину свою лавку, кабачникъ возвращаетъ медальонъ.

Кабакъ запирается: всѣ ложатся спать. Внезапно раздается стукъ въ двери, и появляется жена Борцова. Некоторое время она и полкомъ экипажа сатчили ее въ кабакъ.

Борцовъ узнаетъ любимую женщину и хочетъ приблизиться къ ней. Борцова бѣжитъ къ двери, но Мерикъ хватается ее за руку и штыкаетъ вонзить, какое ей слово нужно сказать, чтобы примирить ее съ мужемъ. Не найдя слова, онъ хватается за топоръ...

Подбавившій старикъ-страшникъ останавливаетъ убійцу. Борцова убѣгается, и пьеса завершается почти нѣмымъ сценой ужаса.

Толмно жѣстами описывается на протяжении этой, сильно растянутой пьесы жизнь чеховскаго таланта, то разгораясь и ярко освѣщая чрезвычайно жизненную фигуру прохладатаго фабричнаго Одея въ рѣчахъ, котораго чувствуется будущій Елиходовъ, то потухая подъ перомъ неопытнаго драматурга.

Во всякомъ случаѣ, для исторіи чеховскаго драматическаго творчества эта недавно открытая пьеса является чрезвычайно цѣнною, и литературная критика не замедлитъ, конечно, заняться этимъ этюдомъ.